

УДК 811.511.21

DOI: 10.17223/19986645/65/9

А.Ю. Урманчиева

О ВОЗМОЖНЫХ КОНТАКТАХ МАНСИЙСКОГО И СЕЛЬКУПСКОГО ЯЗЫКОВ (ПО ДАННЫМ ЭТНОНИМИКИ)¹

Рассматривается возможность этимологизации одного из селькупских этнонимов – шёшкуп, исходя из данных мансийского языка: возможно, данный этноним восходит к мансийскому словосочетанию со значением 'здешний, местный человек'. Так как мансийский и селькупский языки не соприкасаются на современной лингвистической карте Западной Сибири, в статье приводится ряд «сепаратных» селькупско-мансийских лексических изоглосс, наличие которых обосновывает правомерность такого сопоставления.

Ключевые слова: селькупский язык, мансийский язык, енисейские языки, языковые контакты, этнонимы, этимология.

Введение

В статье предлагается новая этимология одного из селькупских этнонимов: *шёшкуп / сюссэгум*. Рассматриваются предлагавшиеся ранее этимологии этнонима *шёшкуп*: представляется, что этот этноним не вполне надежно может быть этимологизирован с опорой на самодийские данные (как будет показано, обе существующие самодийские этимологии имеют свои слабые стороны). В статье предлагается альтернативная этимология данного этнонима с опорой на мансийский язык (На возможность особых лингвистических связей манси и селькупов впервые обратил внимание Г.Н. Прокофьев, корректность сопоставления мансийского и селькупского материала будет подтверждена также другим лингвистическим материалом).

Статья имеет следующую структуру. В первом разделе дается обзор самоназваний селькупов (как хорошо известно специалистам по селькупам и селькупскому языку, таких этнонимов несколько: селькуп, чумьлькуп, тьюгум и шёшкуп / сюссэгум). В данном разделе приводится их диалектно-территориальное распределение и критически рассматриваются возможные этимологии всех перечисленных этнонимов (в частности, попутно предлагается енисейская этимология этнонима *тьюгум*). Во втором разделе предлагается альтернативная – мансийская – этимология этнонима *шёшкуп / сюссэгум*. Рассмотрение этого вопроса предваряется перечислением ряда сепаратных селькупско-мансийских лексических изоглосс: их

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00329).

наличие обосновывает правомерность сопоставления материала этих двух языков, расположенных дистантно на современной лингвистической карте Западной Сибири. В этом же разделе предлагается мансийская этимология одного из родовых названий селькупов, зафиксированных Г.Н. Прокофьевым на реке Парабель – родового названия *таş qul*.

1. Самоназвания селькупов

Хорошо известно, что различные локальные группы селькупов имеют разные самоназвания: селькуп, чумылькуп, тьюгум и шёшкуп / сюзсэгум. Ниже я вкратце напомню территориально-диалектное распределение этих самоназваний, далее будут рассмотрены предлагавшиеся для них этимологии:

– этноним селькуп (*šöl' qum* [1. Сл. ст. 2422]) используется представителями северной группы селькупов, проживающими в среднем и верхнем течении р. Таз, на р. Пур, на Турухане, Баихе и Елогуе (в XIX в. – также на р. Вах);

– этноним чумылькуп (*čümməl' qum* [1. Сл. ст. 1467]) используют носители говоров, представляющих центральную диалектную группу – тымского, васюганского, нарымского;

– этноним тьюгум (*čuwəj (čujəj?) qum* [Там же. Сл. ст. 1527]) использовался на Чулыме, в материалах Алатало и Кастрена он зафиксирован также для кетского диалекта; впрочем, ряд информантов Я. Алатало по кетскому диалекту затруднялись объяснить, к кому применяется данный этноним, не считая его, следовательно, самоназванием;

– этноним шёшкуп / сюзсэгум (*šöšə qum* [Там же. Сл. ст. 2656]) используется носителями среднеобского диалекта (Обь в районе Колпашева; этот говор относится к центральной диалектной группе, однако Е.А. Хелимский [2] отмечал его переходный характер между южными и центральными говорами), на Оби в районе Сондорово, а также в пределах южной диалектной группы – носителями кетских говоров и чаинского говора.

Существует несколько этимологических трактовок данных этнонимов. Наиболее устойчивыми являются интерпретации этнонима *čümməl' qum* как 'земляной человек', а этнонима *šöl' qum* как 'таежный человек'. По поводу второй этимологии Е.А. Хелимский пишет следующее: «Объяснение самоназвания северных селькупов *šöl' qur, šöl'qur, (šöl' qum, šöl'qum)* как словосложения с буквальным значением «таежный человек», в первой части которого опознается основа наречий С *šöttə* 'в лес, в тайгу' (Lat), *šötqəp* 'в лесу, в тайге' (Loc), *šötqəpə* 'из лесу, из тайги' (Elat), повторено вслед за Г.Н. Прокофьевым (1935: 3, 10–11) в таком множестве селькуповедческих, самоедологических и уралистических монографий и статей, что давно уже, по-видимому, воспринимается как прописная этимологическая истина. (Это толкование содержится и в моих публикациях. Кроме того, его придерживаются и многие северные селькупы, причем сейчас уже вряд ли можно установить, идет ли речь о собственной традиционной трактовке

или об усвоении объяснения из научно-популярной и учебной литературы.) [3. С. 41] Далее Е.А. Хелимский отмечает, что, по-видимому, объяснение этнонима *šöl' qur* через основу *šöt-* 'лес, тайга' является «народно-этимологическим (если Прокофьев следовал в данном случае толкованию своих информантов-селькупов) или просто ошибочным» [3. С. 43]. Дело в том, что с формальной точки зрения такое толкование невозможно: в этом случае этноним выглядел бы как **šötəl' qum* (что достаточно сильно отличается от *šöl' qum*, в том числе и долготой гласного). Обе эти характеристики – народно-этимологический характер толкования этнонима и общепринятый характер такой трактовки – применимы в равной степени и к этнониму *šūmməl' qum*: его нельзя связать ни с сельк. *šū* 'земля' (невозможно объяснить, по какой модели могло бы быть образовано данное слово), ни с сельк. *šūmā* 'глина' (из-за разницы в вокализме).

Этноним *šūwəj (šūjəj?) qum* иногда рассматривается как вариант этнонима *šūmməl' qum*, ср., напр., [4. С. 6–7]. Однако эти этнонимы несводимы друг к другу: несмотря на то, что второй этноним часто записывается с одиночным *-m-* (как чумылькуп), не только ряд фиксаций с *-mm-* (приведенных в словаре Я. Алатало), но и сохранение во всех центральных говорах интервокального *-m-* (который в ряде говоров должен был бы дать *-w-*) свидетельствует о геминированном *-m-* в данном слове, который либо а) восходит к консонантному кластеру вида **Cm / *jm*, либо б) возник при заимствовании (в том случае, если *šūmməl' qum* восходит к какому-то экзотнониму), ср. в качестве примера подобного фонетического освоения заимствования сельк. «*lūmmə* 'Setzangel'¹ <...>' [< jen. (W) И¹ 'лом, С¹ 'лом]» [1. Сл. ст. 2800], где интервокальный *-m-* представлен не только в северных, но и в центральных и южных говорах. Таким образом, в обоих случаях интервокальный *-mm-* не дал бы *-w-*, представленный в *šūwəj (šūjəj?) qum*.

С другой стороны, этноним *šūwəj qum* (в силу того, что в южных говорах интервокальный *-m-* переходит в *-w-*) можно возводить к праформе **šūməl' qum* (где *l'* – атрибутивный показатель). Несмотря на то, что в селькупском в виде исключения могут встречаться колебания *-m-/mm-*, ср. *qām(m)il'a* 'линь' [Там же. Сл. ст. 1829], отмеченное Я. Алатало различие в долготе корневого гласного в этнонимах *šūmməl' qum* и *šūwəj qum* (<**šūməl' qum*) не позволяет отождествить их друг с другом. Однако для второго этнонима можно предложить этимологию с учетом этнической истории селькупов, включавшей в себя миграцию из районов исходного расселения в треугольнике «Томск – Красноярск – Енисейск» (см. Хелимский 2000: 28), т.е. **в верхнем и среднем течении Кети и Чулыма, в низовьях этих рек** (выделено мной. – А.У.) и далее вниз по Оби [3. С. 44]. Близкой точки зрения на миграционные пути селькупов придерживается и Н.А. Тучкова (с той разницей, что она считает, что селькупский этнос в основе своей был двухкомпонентным): «Таким образом, опираясь на линг-

¹ Перемет.

вистические, исторические и фольклорные материалы, автор предлагает картину формирования селькупов, в основе которой лежит идея о двух самостоятельных древних группах в составе прасамодийцев (будущих “центральных” и “южных” селькупов). Обе группы разными миграционными путями осваивали Приобье: **южные селькупы продвигались с верховий Кети на Обь и по Оби – вверх до устья Чулыма** (выделено мной. – А.У.); центральные, напротив, с истоков Чижакки, Чузика и Кенги через Васюган и Парабель вышли к Оби с запада» [5. С. 155]. Для нас существенно, что в обоих случаях предполагается движение селькупов с верховий Кети по направлению к Оби. Верховья Кети при этом были освоены одним из енисейских народов – пумпокольцами. В работе [6. С. 29] отмечено югское название пумпокольцев: «юг. *Tǔmjeng*: обозначает людей, живущих при Кети, поскольку Кеть они называют *Tǔm*» [М РГАДА пф507-2-321г]. Напомню, что пумпокольцы жили в верхнем течении Кети, и кажется возможным предположить, что селькупы изначально могли заимствовать этот гидроним у носителей енисейских языков (запись *Tǔm* у Миллера отражает, вероятнее, ен. *Tǔm*; далее *ен. *Tǔm* > ск. *śum*). Далее этот гидроним был оформлен селькупским атрибутивным суффиксом -l' и вошел в состав этнонима **śuməl'* *ķum*, который в таком случае интерпретировался бы как 'люди р. Кеть'¹. (Вероятно, учитывая достаточно точные в фонетическом отношении записи Миллера, ен. *Tǔm* 'Кеть' не следует отождествлять с другим енисейским названием Кети, кетским и югским *Tim*, *Timses*.) Ареал распространения этого селькупского этнонима (в словаре Я. Алатало он зафиксирован для верхнеобского и кетского диалектного ареалов) в точности совпадает с реконструированным Н.А. Тучковой миграционным путем одной из групп селькупов – «с верховий Кети на Обь и по Оби – вверх до устья Чулыма». Неудивительно и то, что этот архаичный этноним, не имеющий поддержки в современной селькупской гидронимии, выходит из употребления, и хотя некоторые информанты Я. Алатало переводили его как 'селькуп', другие отмечали, что это «какие-то люди», но затруднились дать его привязку к конкретной этнической группе.

Таким образом, относительно этнонимов *śǔmməl'* *ķum* и *śuwəj* *ķum* можно сказать, что ни один из них не имеет общепринятой удовлетворительной этимологии (этимология второго топонима была предложена выше).

Что касается этнонимов *śōl'* *ķum* и *śōśə* *ķum*, им были предложены этимологические объяснения Я. Алатало и Е.А. Хелимским. Я. Алатало связывает первый этноним со словом *śō* 'хозяин' [1. Сл. ст. 2422] (т.е. *śōl'* *ķum* – 'хозяйский человек, человек при хозяине, господине'), второй этно-

¹ Сам по себе заимствованный характер основы не гарантирует появления геминаты и сохранения -m- в интервокале, ср. слово *ķātməl'ko* [1. Сл. ст. 1834], представляющее собой заимствование из хантыйского. В словаре Я. Алатало дается его фиксация для тымского и тазовского диалектов с интервокальным -m-, однако к этому можно прибавить следующие данные из словаря [7. С. 35, 61]: *ķaval'žo* /вас./ ~ *ķavul'go* /об. С/ ~ *ķav'žlgo* /об. Ч/ ~ *ķau'žlgo* /об. С, Ч/ ~ *кавылго* /об. Ш/ сущ. – 1) жук; 2) букашка (с крыльями, но не летает).

ним он приводит в качестве самостоятельной словарной статьи [1. Сл. ст. 2656], не приводя ни внутренней, ни внешней этимологии.

Принципиально иную трактовку этих двух этнонимов предлагает Е.А. Хелимский [3]. Опираясь на то, что Г.Ф. Миллер зафиксировал у северных селькупов этноним в виде «Schöselgub, в этом слове последние буквы сильно проглатываются и почти не слышны (in welchem Worte die letzten Buchstaben starck verschlucket worden daß sie kaum zu hören sind)» [Там же. С. 42], он предлагает рассматривать форму *śól' kum* как возникшую путем контракции из формы типа *śōśə kum*: «Вполне очевидно, что приведенная Миллером форма очень близка южноселькупским *šōšqur, süssə qum*, отличаясь от них лишь присутствием адъективного суффикса и, возможно, качеством второго сибиланта (см. ниже). Важное замечание о “сильно проглатываемых буквах” относится, видимо, не к концовке словосложения (-gub = *qur* ‘человек’, хорошо известно Миллеру и вычленяемое слово), а к группе -se(l)- и в этом случае фиксирует начало фонетического процесса, который привел к контракционному (гаплогическому) преобразованию» [Там же. С. 42–43]. Таким образом, Е.А. Хелимский возводит оба этнонима к единой праформе, принимая в качестве исходного вариант, зафиксированный Г.Ф. Миллером. Он предлагает для этого этнонима две альтернативные этимологии – в зависимости от того, представлен ли второй сибилант звуком -s- или -ś-.

Если считать первичным вариант с -s-, этимологию можно согласовать с «упомянутой выше этимологической версией Алатало, рассматривая форму **śōśə* как производное имя с реципрокно-конверсивным суффиксом (самод. **-sə*, ср. нен. – *sə*, эн. – *so*, нган. – *sə/-d'ə*, сельк. С – *sə-qāqı Du.*, – *sə-t Pl.*, кам. – *zə-gəj Du.*; см. Hajdú 1975: 71-114, Helimski 1997: 134) от **śō* ‘хозяин, господин’ и реконструировать ее исходное (доэтнонимическое) значение как ‘один из подчиненных / сородичей хозяина / господина / вождя’» [Там же. С. 44].

Если же считать первичным вариант с ś, «[д]ля основы **śōśə* заслуживает внимания возможность сопоставления с нган. *kińsi-*: *kińsini* ‘ниже по реке’, *kińsi?ia* ‘вниз по реке’ (почему не **kińd'ia* с ожидаемой слабой ступенью градации?), *kińsiə* ‘низовской, область нижнего течения реки’. Основа известна и в этнонимическом употреблении: *kińsiə?* (Pl. к *kińsiə*) ‘вадеевские нганасаны’ (вадеевские нганасаны живут в низовьях р. Хатанги). Общесамодийская праформа может быть реконструирована в виде **künsi* или **künsə* (к фонетике ср. самод. **küń* > нган. *kiŋ, kīŋ*, сельк. **śōń, T šōn* см. Helimski 1997: 294, SkWb 2573; **ns* > сельк. **ś* регулярно), хотя отсутствие градации в нганасанском соответствии и оставляет почву для сомнений в надежности этой реконструкции» [Там же].

Из двух предложенных вариантов первый (‘один из подчиненных / сородичей хозяина / господина / вождя’) кажется ненадежным как с семантической точки зрения, так и с точки зрения морфологической и синтаксической структуры этнонимического сочетания: учитывая многократные фиксации этнонима в виде *śōśə kum*, принятие предложенной этимологии

означало бы, что первое слово в данном сочетании оканчивается показателем реципрокно-конверсивного суффикса, не имея более никакого морфологического оформления; однако указанный суффикс подобного оформления не допускает, требуя показателей двойственного или множественного числа.

Второй вариант выглядит существенно более приемлемым с точки зрения этнонимической семантики (хотя определение 'низовской' обычно легко применяется в этнонимии для какой-то части этноса, но, насколько мне известно, не для этноса в целом – вместе с тем, как будет показано ниже со ссылкой на [1], рассматриваемый этноним зафиксирован во всех частях селькупского диалектногоконтинуума). Однако и этот вариант встречает определенные формальные трудности. Во-первых, основа *śōśā* не представлена собственно в селькупском в значении 'низовья реки'; данная трактовка предлагается только с опорой на возможные нганасанские соответствия. При этом селькупские основы, использующиеся для ориентации относительно течения реки, имеют надежные самодийские параллели. Основы *takki* 'вниз по реке' [Там же. Сл. ст. 1167] и *tāmmi* 'вверх по реке' [Там же. Сл. ст. 1167] имеют надежные самодийские параллели: первая восходит к PS *t¹ākā- [8. С. 146] и представлена в энецком *tos'i* 'низ', в ненецком *təsyi*^o 'нижний', в камасинском (C) *thežə*, (D) *tvžə* 'вниз по течению, низовья', вторая – к PS *tāt³mā- ~ *tāt³wā- [Там же. С. 155] и представлена в эн. *te?i* 'верх', в ненецком *tuuqəu*^o 'верхний', камасинском (C) *thāwa* 'вверх по течению'. С другой стороны, на общесамодийском фоне изолятами выступают нганасанские основы, использующиеся для ориентации в пространстве в целом и относительно течения реки в частности: *bāntu*^o 'верх', *nyčini* 'наверху' (по течению), *kinsiə* 'нижний' (по течению).

Во-вторых, предлагая данную этимологию, Е.А. Хелимский опирается прежде всего на северный вариант этнонима, однократно зафиксированный Г.Ф. Миллером, в котором содержится атрибутивный суффикс *-l'*, однако этот суффикс отсутствует во всех записях южного варианта этого этнонима, а в этом случае трактовка элемента *śōśā* как слова со значением 'низовской' становится более затруднительной, так как синтаксическая структура этнонима в этом случае требовала бы по нормам селькупского языка атрибутивной формы.

2. Возможная мансийская этимология этнонима *śōśā kum*.

Ниже я попытаюсь обосновать возможность рассматривать селькупский этноним *śōśā kum* как имеющий мансийское происхождение. Прежде всего, следует обосновать, насколько правомерно предполагать наличие «сепаратных» мансийско-селькупских связей: учитывая, что на современной лингвистической карте Западной Сибири из обско-угорских народов селькупы соседствуют только с хантами, этот вопрос требует специального обоснования.

Первым на возможность селькупско-мансийских связей обратил внимание Г.Н. Прокофьев. Говоря о языках, которые могли в качестве субстратного компонента участвовать в формировании современного селькупского

языка, он отмечает: «...среди этих языков был, по-видимому, язык, который явился компонентом также в формировании современного нам мансийского (вогульского) языка. К такому заключению нас приводит целый ряд весьма глубоких и подчас любопытнейших связей, обнаруживаемых между селькупским языком и мансийским (мы не имеем здесь в виду связей финно-угро-самоедского порядка).

Дать развернутую картину этих связей в настоящей работе не представляется возможным. Такого рода задача составляет тему специального исследования.

Здесь мы ограничимся тем, что приведем ряд характерных примеров, иллюстрирующих указанные связи между селькупским языком и мансийским.

В области словаря прежде всего обращает на себя внимание селькупское слово *qum*, *qur* 'человек', 'мужчина'. Слово это не встречается ни в одном из известных нам самоедских языков (...).

Слово *qum*, *qur* 'человек' мы находим в мансийск. *hum* 'человек' (...)) [9. С. 12].

Не претендуя на полноту списка, можно указать некоторые сепаратные мансийско-селькупские лексические изоглоссы (мансийские данные цит. по [10], после // – по [11])¹:

1. уже упоминавшееся сельк. *qum* 'человек' [1. Сл. ст. 1858] РТНОК сопоставимо с манс. **kum* > N *χum* [=χum], LM LU P *khum*, K *khom*, T *khom* ~ *khum* // TJ TČ *qom*, KU *χom*, KM *qom*, KO *qum*, P *kum*, *kim*, VN VS *kum*, LU LM *qum*, LO ^k*χum*, So *χum* 'мужчина, человек'. Учитывая производный характер основы в мансийском [12. С. 16], следует предполагать заимствование из мансийского в селькупский.

2. сельк. *piči* 'топор' [1. Сл. ст. 514] РТНОК. С этим словом предположительно можно сопоставить манс. **päct* > T *pöist* ~ *pošt* ~ *päst* ~ *päist* // TJ TČ *pešt* с тем же значением. Как указал мне М.А. Живлов, вопреки [13. С. 416] историческая фонетика не позволяет считать мансийское и селькупское слово восходящими к единой праформе. Соответственно, если перед нами не результат случайного сходства, и в этом случае мансийский является донором, а селькупский – реципиентом. Примечательно, что в мансийском это слово представлено только в тавдинском диалекте, что, возможно, служит косвенным указанием на то, какие диалекты мансийского входили в контактную зону.

3. сельк. *šäq* 'соль' [1. Сл. ст. 2579] РТНОК < *ir*. Такое же название соли представлено и в мансийском, **čäk* > LM *šäχ* ~ *šeχ* ~ *šäχ*, LU *šäχ*, P *šäχ*, K *šäχ* (*šäk*-), T *čiχ* ~ *čiχ* ~ *čyχ* ~ *čōχ* // TJ TČ *t'šič*, KU *šäχ*, KM *šäχ*, KO *šäχ*, P *šēχ*, VN VS *šäχ*, LU *šēχ*. Мансийское слово имеет параллель в венгерском

¹ Приношу глубокую благодарность М.А. Живлову, оказавшему мне неоценимую помощь при обсуждении приводимого ниже списка сепаратных мансийско-селькупских лексических соответствий. Благодаря ему в список добавлены также мансийские праформы и данные из [11].

só; Я. Алатало [устное сообщение] указал мне также на возможность сопоставления с названием соли в югском и кетском: «The Selkup word *śāk* is identical with Yeniseic *čęγ (only Ket *teʹ*, Yug *čeʹ*, lacking in the southern languages). The inetymological *ś* before back vowel points to a borrowing from Yeniseic, while culturally it is more natural to assume the opposite direction» (Алатало, личное сообщение). Тем не менее, фонетическая форма мансийского и селькупского слов допускает возможность заимствования из мансийского в селькупский (предположение об этом, как указал мне М.А. Живлов, высказано также в [14. С. 78]). В конечном итоге, каков бы ни был путь распространения этого культурного термина, примечательно, что он указывает на то, что селькупский и мансийский в определенном периоде находились в одном культурном ареале (в который при этом не входил, с одной стороны, хантыйский, с другой – самодийские языки помимо селькупского).

4. сельк. *ńāg* 'болото' [1. Сл. ст. 1690] РТНОК. Я. Алатало предлагает сопоставление с эвенкийским *ńяру*, но допустимо и сопоставление с манс. *ńīgə > N *ńāg* [=ńāg], LM *ńāg* ~ *ńār*, LU *ńār*, P *ńār*, K *ńōr*, T *ńār* ~ *ńār* ~ *ńēr* // TJ *ńēr*, KU *ńār*, KM *ńēr*, KO *ńēr*, P *ńēr*, VNZ VS *ńēr*, VNK *ń'ēr*, *ńēr*, LU LM *ńēr*, LO So *ńār* 'болото (с неглубокой прозрачной водой, с деревьями и цветами)'.

5. сельк. *śirkə* 'растение' [Там же. Сл. ст. 2692] РТНОК находит параллель в мансийском N *śirkä* ~ *śirki*, LM *śirkä* ~ *śirk*, LU *śirk*, K *śerk* 'растение, цветок'.

6. сельк. *pār* 'раз (в значении «сколько раз?»)» [Там же. Сл. ст. 619] РТНО можно сопоставить с мансийским N P *por*₂, LM *por* ~ *poār*, LU *por* ~ *pār* ~ *pār*, K *por* (~ *porē*) с тем же значением.

7. сельк. *қолиңлоҕ* /ел./ 'изредка' [7, С. 177]; *қолық/һ* 'редко' [15. С. 41]. Ср. манс. **kaləŋc* > N *қалиңіс* // TJ *қалə-ŋқіс*, ТС *қалə-ŋқіс*, KU *қалəŋс*, KM *қалəŋс*, P *қалŋс*, VNK *қал'ŋс*, LU *қалаŋс*, LO *қал'ŋс* 'редко'. В мансийском это слово, вероятно, связано с **kal* > N *қал* [=қал], LM LU P *khal*, K T *khâl* // TJ *қал*, ТС *қал*, KU *қал*, KM *қал*, KO *қал*, P VN *қал*, VS *қал*, LU *қал*, LO *қал*, So *қал* '1. промежуток 2. середина 3. средний, находящийся в середине'. В таком случае следует говорить о том, что в селькупском представлено заимствование.

8. сельк. *јгəŋ* 'почти, едва' [1. Сл. ст. 275] РТ допустимо сопоставлять с мансийским N *ēriŋ* [ērəŋ], LM *jēriŋ*, P *jērēn* 'может быть, возможно'.

Перейдем к селькупскому этнониму *śōśə ҡum*. Следует уточнить ареал его распространения. Несмотря на то, что данное сочетание как этноним используется носителями обского диалекта, а также в пределах южной диалектной группы, в словаре Я. Алатало отмечается его общеселькупский характер (что подтверждает и обсуждавшаяся выше фиксация этого словосочетания Г.Ф. Миллером у северных селькупов):

«*śōśə-ҡum* / *śūsśə-ҡum* 'Mensch':

Ту. šōž'γov, šōžəγov ihminen / Mensch [Antonym lōsə 'Geist']¹, 3s šōžəγovD | ТуМ šōžəγov id. | NC šōšγub | Iv.K. šōškup, šōškum остяки, мы | OOS šūssə-γum samojedī | OSA šūššəγum остяк | KeU süssə-γum | KUS süss'γum | KeM sūšsəγum | KM sū'ssəγum, sū'sseγum, KMA auch sū'sγum, Koll. sū'ssəγū'la, Pred.1s man sū'ss'γu'uaŋ я остяк, Pred.2s tan sū'ssəγu'uaŋdə | KeO sūššə-k'um, süss'γum | Ka. šōžə-gum ostjakkī-samojedī» [1. Сл. ст. 2656].

Это двухкомпонентное селькупское сочетание находит параллель в мансийском: *šōšəγ ~ *šōšγā > N sossā ~ sāsā [sossa], LM šāššā ~ šāši ~ šøši, LU šāši, P šāšj, K sāsē, коренной, здешний, исконный, ср. в особенности сочетания: N taw tit ālnē *sossā χum 'он – обитающий здесь коренной житель'; P tau t'it' *šāšj khum, peš-vuil tākw mōγāt t'it' ōli 'он – здешний человек, он живет на своей земле от рождения'; K *sāsē khom, tēlēm mōtē tēt ōli 'он здешний человек, место его рождения здесь'.

На эксклюзивную параллель селькупского *χum* и мансийского *χum* (не представленного ни в хантыйском, ни в других самодийских языках), как было указано выше, обращал внимание еще Г.Н. Прокофьев. Сопоставление селькупского *šōšə-χum* и манс. *sossā χum*, *šāšj khum*, *sāsē khom* выглядит приемлемым и с формальной и с семантической точки зрения. Ср., например, этимологию самоназвания эвенов, предложенную К.А. Новиковой: «Относительно происхождения самоназвания “эвен” существуют различные предположения. Так, В.И. Цинциус связывает самоназвание “эвен” с глаголом *эвдэj* 'спускаться с гор'. По нашему мнению, более вероятным является предположение о близости этого названия к эвенскому слову *эвн* ~ *эвун* 'местный, здешний'» [16. С. 11].

Соответствующее мансийскому слово есть и в хантыйском, ср.: «DN *tšā.Džž*, Kr *sā.tšž*, Kam. *tšā.tšž*, Ni. *šōžž'*, Kaz. *šōžž'* (*šōžž'm'*), O. *sōzi*» [17. С. 960a], однако это слово:

- а) зафиксировано в диалектах, географически далеких от селькупского;
- б) хантыйские диалектные формы восходят к прототипу ~šāčə; учитывая практически полный изоморфизм хантыйской и селькупской консонантных систем, хантыйский *č* должен был бы сохраниться в селькупском, ср., например, сельк. *оč* 'нарост на березе' [1. Сл. ст. 85] Т К, для которого Я. Алатало указывает хантыйское соответствие *оč*;
- в) оба компонента селькупского этнонима имеют параллель в мансийском.

Интересно также обсудить приведенное Г.Н. Прокофьевым название селькупского рода с реки Парабель *maš qul* [9. С. 12]. Г.Н. Прокофьев переводит его как 'земляные люди', это же словосочетание с этим же переводом

¹ Это словосочетание имеет не только этнонимический характер, но и значение 'настоящий (обычный) человек', являясь, как написано в процитированной словарной статье, антонимом *lōsə* 'дух'. Самоназвания с такой семантикой (характерные, видимо, для этапа, предшествовавшего формированию этнического самосознания,) представлены у северных самодийцев, а также, например, у чукчей.

повторено в [11. С. 263] в статье **maŷe* 'земля'. Однако в селькупском отсутствуют морфологические средства, которые позволили бы получить от гипотетической селькупской основы **ma* производную *maś* со значением 'земной'. С другой стороны, сельк. *maş* является хорошим формальным соответствием манс. **māńći* > N *mańsi* [*māńsi*], LM *māńś* ~ *moāńś*, LU P *mańś*, K *māńś* ~ *mańś*, T *māńši* ~ *mā'ńci* 'манси', что может указывать на мансийское происхождение данного селькупского рода. Что касается исторической фонетики, сельк. *-ś-* регулярно восходит к п-сам. **-ns-* (фонетически, видимо, [-ńć-]), ср., например, бесспорно этимологически соответствующие друг другу сельк. *kūšə* 'моча' [1. Сл. ст. 2212] < п.-сам. **kunsə* [8. С. 77] и манс. N *kuńši*, LM *khuńši* (*kuńši*), LU P *khuńši*, T *khuńśant* 'мочиться'.

Литература

1. Alatalo J. Sölkupisches Wörterbuch aus Aufzeichnungen von Kai Donner, U.T. Sirelius und Jarmo Alatalo (Lexica Societatis Fenno-Ugricae XXX). Helsinki : Société Finno-Ougrienne, 2004.
2. Хелимский Е.А. К исторической диалектологии селькупского языка // Лексика и грамматика языков Сибири. Барнаул, 1985. С. 42–58.
3. Хелимский Е.А. Schöselgub у Г.Ф. Миллера и самоназвание селькупов // Г.Ф. Миллер и изучение уральских народов (материалы круглого стола) (HSFM = Hamburger Finnisch-ugrische und Sibirische Materialien = Habent Sua Fata Manuscripta, Bd. 3). Hrsg. von Eugen Helinski. Hamburg, 2005. С. 41–46.
4. Тучкова Н.А., Глушков С.В., Кошелева Е.Ю., Головнев А.В., Байдак А.В., Максимова Н.П. Селькупы. Очерки традиционной культуры и селькупского языка. Томск : Изд-во Том. политехн. ун-та, 2012.
5. Тучкова Н.А. Этногенез селькупов с лингвистических и этноисторических позиций // Вестник Томского государственного университета. История. 2018. № 53. С. 153–156. DOI: 10.17223/19988613/53/28.
6. Хелимский Е.А. Этнонимия уральских и сибирских народов в рукописном наследии Второй Камчатской экспедиции // Г.Ф. Миллер и изучение уральских народов (материалы круглого стола) (HSFM = Hamburger Finnisch-ugrische und Sibirische Materialien = Habent Sua Fata Manuscripta, Bd. 3) // Hrsg. von Eugen Helinski. Hamburg, 2005. С. 19–40.
7. Быконя В.В., Кузнецова Н.Г., Максимова Н.П. Селькупско-русский диалектный словарь. Томск : Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2005.
8. Janhunen J. Samojedischer Wortschatz. Gemeinsamojedische Etymologien (Castrenianumin toimitteita 17). Helsinki : Б. и., 1977.
9. Прокофьев Г.Н. Селькупская (остяко-самоедская) грамматика. Л. : Изд-во Ин-та народов Севера ЦИК СССР, 1935.
10. Wogulisches Wörterbuch. Gesammelt von Bernát Munkácsi, geordnet, bearbeitet und herausgegeben von Béla Kálmán. Budapest : Akadémiai Kiadó, 1986.
11. A. Moisio (ed.). Wogulisches Wörterbuch. Gesammelt und geordnet von Artturi Kannisto, bearbeitet von Vuokko Eiras. Lexica Societatis Fenno-Ugricae, XXXIII. Helsinki : Société Finno-Ougrienne, Kotimaisten kielten keskus, 2013.
12. Aikio A. Studies in Uralic Etymology IV: Ob-Ugric Etymologies, Linguistica Uralica LI 2015 1.
13. Rédei K. Uralisches etymologisches Wörterbuch. Budapest : Akadémiai kiadó, 1986–1991.
14. Korenchy É. Iranische Lehnwörter in den obugrischen Sprachen. Budapest, 1972.

15. Казакевич О.А., Будянская Е.М. Диалектологический словарь селькупского языка (северное наречие). Екатеринбург : Баско, 2010.
16. Новикова К.А. Очерки диалектов эвенского языка. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1960.
17. Karjalainen K.F. Ostjakisches Wörterbuch. Bearbeitet und herausgegeben von Y.N. Toivonen. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae X). Helsinki : Suomalais-Ugrilainen Seura, 1948. Bd. 2.

On the Possible Links of the Mansi and Selkup Languages (Based on Ethnonymic Data)
Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2020. 65. 146–157. DOI: 10.17223/19986645/65/9

Anna Yu. Urmanchieva, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation), Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: urmanna@yandex.ru

Keywords: Selkup language, Mansi language, language contacts, ethnonyms, etymology.

The study is supported by the Russian Science Foundation (Project No. 19-18-00329).

The article proposes a new (Mansi) etymology of the Selkup ethnonym *šōšə kum*. Different Selkup groups use different self-names: *šōl' kum*, *čūmməl' kum*, *čuwəj (čujəj?) kum*, and *šōšə kum*. The interpretations of the ethnonym *čūmməl' kum* as 'soil man' and *šōl' kum* as 'taiga man' are the most stable. E.A. Helimsky showed the failure of the second etymology (from a formal point of view, this interpretation is impossible: in this case, the ethnonym would look like *šōtəl' kum). The interpretation of the ethnonym *čūmməl' kum* as 'soil man' is also erroneous: it can be connected neither with the Selkup *čū* 'earth, soil' (there is no derivational model to form *čūmməl'* from *čū*), nor with the Selkup *čimə* 'clay' (due to the difference in vocalism). The author supposes that the ethnonym *čuwəj (čujəj?) kum* can be associated with the Yeniseic name of the river Ket. Thus, Georg F. Miller recorded the Yugh name for the Pumpokol people (who inhabited the upper Ket). It seems possible to assume that the Selkup could initially borrow this hydronym from the speakers of the Yeniseic languages (*en Tūm > sk. čum), and it became part of the ethnonym *čuməl' kum > čuwəj kum * 'people of the river Ket'. The distribution of the ethnonym (Upper Ob and Ket dialects) coincides with the migration route of one of the Selkup groups from the upper Ket to the Ob and along the Ob up to the mouth of the Chulym. E.A. Helimsky traces back *šōl' kum* and *šōšə kum* to a single protoform recorded by G.F. Miller as Schöselgub. He proposes two alternative etymologies for this ethnonym. If the underlying form was *šōšə kum* he considers it to be a derivative meaning 'one of the subordinates/relatives of the host/master/leader'. If the underlying form was *šōšə kum*, he compares it with the Nganasan *kiŋsi-* 'down the river'. The first option is unreliable from the semantic point of view and from the point of view of morphological structure (the suffix *-sə* presumed in *šō-sə* requires plural marking). The second option is more acceptable from the point of view of ethnonymic semantics. However, the stem *šōšə* is not represented in Selkup proper in the meaning of the "lower reaches of the river". This interpretation is offered only on the basis of possible Nganasan correspondences, but the Selkup stems used for orientation according to the flow of the river have reliable Samoyed parallels, whereas the Nganasan stem is an isolate. The author supposes the Selkup ethnonym *šōšə kum* has a Mansi origin. She also lists a number of lexical isogloss, linking only Selkup and Mansi, which substantiates the validity of comparing the material of these two languages. The Selkup *šōšə kum* can be compared with the Mansi N *šossä xum*, P *šāšj khum*, K *šāsě khom* 'native inhabitant'. The word corresponding to the Mansi *šossä / šāšj / šāsě* also exists in Khanty, but if the word had been borrowed from Khanty, the Selkup word would have had *č*, not *š*.

References

1. Alatalo, J. (2004) *Sölkupisches Wörterbuch aus Aufzeichnungen von Kai Donner, U.T. Sirelius und Jarmo Alatalo* (Lexica Societatis Fenno-Ugricae XXX). Helsinki: Société Finno-Ougrienne.

2. Khelimskiy, E.A. (1985) K istoricheskoy dialektologii sel'kupskogo yazyka [On the historical dialectology of the Selkup language]. In: *Leksika i grammatika yazykov Sibiri* [Vocabulary and grammar of languages of Siberia]. Barnaul: [s.n.], pp. 42–58.

3. Khelimskiy, E.A. (2005a) Schöselgub u G.F. Millera i samonazvanie sel'kupov [Schöselgub of G.F. Miller and the self-name of the Selkups]. In: Helimski, E. (ed.) *G.F. Miller i izuchenie ural'skikh narodov (materialy kruglogo stola)* [G.F. Miller and the study of the Uralic peoples (round table materials)]. (HSFM = Hamburger Finnisch-ugrische und Sibirische Materialien = Habent Sua Fata Manuscripta, Bd. 3). Hamburg: University of Hamburg, pp. 41–46.

4. Tuchkova, N.A. et al. (2012) *Sel'kupy. Ocherki traditsionnoy kul'tury i sel'kupskogo yazyka* [Essays on traditional culture and the Selkup language]. Tomsk: Tomsk Polytechnic University.

5. Tuchkova, N.A. (2018) The ethnogenesis of the selkup people from the linguistic and ethnohistorical points of view. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 53. pp. 153–156. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/53/28

6. Khelimskiy, E.A. (2005b) Etonimiya ural'skikh i sibirskikh narodov v rukopisnom nasledii Vtoroy Kamchatskoy ekspeditsii [Ethnonymy of the Ural and Siberian Peoples in the Manuscript Heritage of the Second Kamchatka Expedition]. In: Helimski, E. (ed.) *G.F. Miller i izuchenie ural'skikh narodov (materialy kruglogo stola)* [G.F. Miller and the study of the Uralic peoples (round table materials)]. (HSFM = Hamburger Finnisch-ugrische und Sibirische Materialien = Habent Sua Fata Manuscripta, Bd. 3). Hamburg: University of Hamburg, pp. 19–40.

7. Bykonya, V.V., Kuznetsova, N.G. & Maksimova, N.P. (2005) *Sel'kupsko-russkiy dialektnyy slovar'* [Selkup-Russian dialect dictionary]. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University.

8. Janhunen, J. (1977) *Samojedischer Wortschatz. Gemeinsamojedische Etymologien* (Castronianumin toimitteita 17). Helsinki: [s.n.].

9. Prokof'ev, G.N. (1935) *Sel'kupskaya (ostyako-samoedskaya) grammatika* [Selkup (Ostyak-Samoyed) grammar]. Leningrad: Institute of the Peoples of the North of the Central Executive Committee of the USSR.

10. Kálmán, B. (Hg.) (1986) *Wogulisches Wörterbuch. Gesammelt von Bernát Munkácsi*. Budapest: Akadémiai Kiadó.

11. Moisio, A. (ed.) (2013) *Wogulisches Wörterbuch. Gesammelt und geordnet von Artturi Kannisto, bearbeitet von Vuokko Eiras*. Lexica Societatis Fenno-Ugricae, XXXIII. Helsinki: Société Finno-Ougrienne, Kotimaisten kielten keskus.

12. Aikio, A. (2015) Studies in Uralic Etymology IV: Ob-Ugric Etymologies. *Linguistica Uralica* LI.

13. Rédei, K. (1986–1991) *Uralisches etymologisches Wörterbuch*. Budapest: Akadémiai kiadó.

14. Korenchy, É. (1972) *Iranische Lehnwörter in den obugrischen Sprachen*. Budapest: Akadémiai Kiadó.

15. Kazakevich, O.A. & Budyanskaya, E.M. (2010) *Dialektologicheskii slovar' sel'kupskogo yazyka (severnoe narechie)* [The dialectological dictionary of the Selkup language (northern dialect)]. Yekaterinburg: Basko.

16. Novikova, K.A. (1960) *Ocherki dialektov evenskogo yazyka* [Essays on the dialects of the Evenki language]. Moscow; Leningrad: USSR AS.

17. Karjalainen, K.F. (1948) *Ostjakisches Wörterbuch*. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae X). Bd. 2 Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura.